

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. 2-е изд. испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2018. – 488 с. – (Польско-сибирская библиотека).

20 лет увидели свет обстоятельные исследования по этой теме (статьи и монографии) Б.С. Шостаковича, И.В. Нам, В.А. Ханевича, В.А. Скубневского, С.А. Мулиной, С.Г. Пятаковой, А.А. Крих, Ю.М. Гончарова, А.С. Жаровой, Р.В. Оплаканской, С.В. Леончик и др. Поляки массировано представлены в научных сочинениях, касающихся социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. Достойное место среди них занимают публикации Л.К. Островского – потомка польских мигрантов за Урал, который начал заниматься данной темой еще в 1980-е гг., а в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную польским политическим ссыльным в Сибири с середины 1890-х гг. до 1917 г. В 2015 г. в диссертационном совете при Институте истории СО РАН он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра ист. наук. В 2011 г. была издана его обобщающая монография по истории поляков в регионе в избранных хронологических рамках. Рецензируемое переиздание существенно дополнено (на 12 п.л.) – за счет введения в научный оборот колоссального по объему фактического материала, при этом сохранилась большая часть основополагающих выводов, коррективы в которые вносились по отдельным направлениям.

Монография четко структурирована по тематическим направлениям, охватывающим весь изучаемый период: миграционный маятник, демография, городское и сельское население, основные занятия, роль костела в сохранении национальной идентичности, образование, вклад поляков в развитие предпринимательства, культуры и здравоохранения региона. Отдельные сюжеты выстроены по проблемно-хронологическому принципу (беженцы и военнопленные Первой мировой войны 1914–1918 гг., общественные организации и воинские формирования в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг., репатриация беженцев, оплтантов и военнопленных в 1921–1924 гг.). В основном можно согласиться с предложенными хронологическими рамками исследования, хотя нижнюю хронологическую грань (1890-е гг.) следовало бы, на мой взгляд, отодвинуть к концу 1890-х гг., когда в основном завершилось строительство западносибирского участка Транссиба до Новониколаевска. Основной поток польских добровольных переселенцев начал прибывать в Западную Сибирь именно с этого времени.

Вызывает недоумение исключение из территориальных рамок большей части Акмолинской области (кроме Омского уезда) на том основании, что остальные уезды этого территориально-административного образования «сегодня относятся к Казахстану» (с. 6). Но вплоть до 1920 г. они считались российскими, а Омск еще и сибирским городом, а не только центром казахского Степного генерал-губернаторства. Правда, поляки-переселенцы не стремились осесть в степи, предпочитая таежную и лесостепную зоны. Поэтому, по данным переписи 1897 г., в Акмолинской области проживало только 196 представителей польской национальности, в основном политические ссыльные и члены их семей¹.

Источниковую базу сочинения Л.К. Островского составил не только репрезентативный массив материалов 9 центральных и местных (областных и одного краевого) архивов, статистических материалов, извлеченных из обзоров Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области, местных повременных изданий, но и сведения из работ коллег – российских (Москва, Петербург, Курган, Тобольск, Тюмень, Омск, Тара, Новосибирск, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Иркутск, Минусинск) и польских исследователей. Сибирская колония представлена 80 монографиями и статьями исследователей (из них 62 на языке оригинала), увидевших свет в Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Люблине, Новосибирске, Омске и Томске. Поэтому значительный объем информации автор почерпнул из дисперсно рассеянных в представительной совокупности фактов и фактиков, содержащихся в работах своих предшественников и коллег. Данное обстоятельство не подразумевает автоматического включения заимствованных материалов в исследовательское поле рецензируемой монографии. Леонид Казимирович подвергает их тщательному анализу, сопоставляя с другими источниками. Для его работы характерно постоянное сравнение данных, полученных или извлеченных из источников польскими и российско-сибирскими историками, критическое отношение к статистическим материалам, а это является гарантией достоверности вводимых в научный оборот фактов и выводов.

Выбор хронологических рамок рецензируемой монографии обусловлен также изменением парадигмы в национальном миграционном процессе, когда принудительную депортацию политических и уголовных преступников сменяют добровольные новоселы. «Строительство Транссиба во многом предопределило добровольное переселение польских крестьян, рабочих, специалистов из Привислинского края и других западных губерний России в Сибирь, – спра-

¹ Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А. Н., Баратова Г. С. История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 241.

ведливо замечает по сему поводу автор, – их участие в хозяйственном освоении, общественной жизни и развитии культуры края» (с. 7).

Данное обстоятельство, разумеется, не снимает с повестки дня фактор ссылки, тем более что внимание историков обращалось преимущественно на подвергшихся наказанию за политические преступления. Именно с этой категорией невольных обитателей региона связаны все статистические подсчеты, в том числе и осуществленные Л.К. Островским. После поражения Первой русской революции 1905–1907 гг. только в Тобольскую губернию в административном порядке было выслано 873 поляка, среди 677 политических ссыльных Нарымского края их доля составила 44 % (299 чел.) (с. 48). Такая практика типична и для современного этапа изучения сибирской ссылки. В обобщающих сочинениях фиксируется, с ссылкой на польских историков, 30 тыс. их земляков, оказавшихся в Сибири за политические преступления с середины 1860-х гг. до 1914 г.² Правда, нужно иметь в виду, что с 1900 г. уголовная ссылка в Сибирь прекратилась, за исключением приговоренных к каторжным работам, но основным местом их водворения был Нерчинский каторжный комплекс в Восточной Сибири, а в Западной – незначительное число приговоренных к этому виду наказания отбывало его в Тобольской каторжной тюрьме.

Следовательно, из трех каналов формирования и пополнения польской диаспоры в Западной Сибири Л.К. Островский изучает добровольных переселенцев и подданных Российской империи, находившихся здесь на государственной и военной службе. Раздел, посвященный статским и военным чиновникам, представляет мозаику из отдельных фрагментарных биографических резюме, которые в большинстве случаев не позволяют определить «весовые» характеристики поляков в той или иной сфере местного государственного управления. Определенно автор сообщает о том, что «из 65 штатных инженерно-технических работников Западно-Сибирской железной дороги поляки составляли 21 человек, или 32 %. Среди них находились такие выдающиеся специалисты, как Константин Позняк, Болеслав Саврымович и Владислав Павловский» (с. 56). Но буквально из следующего предложения мы узнаем, что магистраль называлась Сибирской и непонятно, входили упомянутые 65 штатных инженерно-технических сотрудников в аппарат управления дороги или они представляли всех ИТР магистрали, включая не только Томск, но и другие крупные станции магистрали. Автор не упомянул, что среди шести последних губернаторов Тобольской губернии двое (А. П. Лаппо-Старженецкий и А. А. Станкевич) являлись представителями древних, но обедневших шляхетских родов.

На уездном уровне, как установила А. С. Жарова, в Кургане «в конце XIX – начале XX вв. поляки занимали должности окружного исправника, инструктора молочного хозяйства, помощника начальника жандармского управления, председателя съезда крестьянских начальников, надсмотрщика телеграфа, курганского воинского начальника и ряд других административных должностей. Занимая эти

посты представители польского этноса оказывали существенное влияние на многие сферы жизни в Курганском уезде»³.

Л.К. Островский подробно анализирует динамику численности польского населения Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. и факторов, повлиявших на нее. Однако по отдельным реперным точкам (июль 1914, 1917, 1920 гг.) обобщающая информация отсутствует, даже на уровне предположений. По данным переписи 1897 г., в Томской, Тобольской губерниях и Акмолинской области проживало 13 264 поляка, в том числе 4485 чел. (33,8 %) в городах, где они являлись третьей по численности национальной группой населения после русских и евреев. Устойчивые общины сложились в Томске, Барнауле, Каинске, Мариинске, Тобольске и Омске. Применительно к началу Первой мировой войны автор констатирует отсутствие достоверных сведений о численности объекта исследования. Подсчеты польских историков он считает заниженными, ссылаясь на проживающих в Западной Сибири в 1912 г. 64 805 католиков, «большинство из которых являлись поляками» (с. 50). Это действительно так, но в состав названной конфессии входили также эстонцы, литовцы, латгальцы, латыши, часть немцев. Следовало бы определить хотя бы приблизительную константу доли польских мигрантов среди верующих римско-католической церкви. В итоге, «по нашим подсчетам к началу Первой мировой войны численность польского населения на территории края достигла примерно 60 тыс. человек» (с. 56).

Первая мировая война привела к резкому увеличению численности изучаемой диаспоры за счет беженцев, высленцев и военнопленных германской и австро-венгерской армии. По данным польских исследователей, общее количество представителей этого этноса за Уралом составило до 200–300 тыс. чел. (с. 51). Собственные подсчеты автор не делает, но приводит данные переписи 1917 г. в Томской губернии, которые свидетельствуют об уменьшении численности польского населения «в несколько раз», т.е. с 32 199 в 1914 г. до 3099 чел. в 1920 г., предположив, что «возможно, перепись 1917 г. охватила только беженцев, а не постоянное польское население губернии» (с. 52, 404). Зато перепись 1920 г. зафиксировала в регионе 37 748 чел., в том числе в Томской губернии 17 054 поляка. Отсутствуют данные по Тюменской губернии, в 1920 г. переименованной из Тобольской. Наконец, к 1926 г. на изучаемой территории проживало 29 443 поляка (с. 55). Воспроизведенные данные, как и методика подсчета, раскрывают исследовательскую «кухню» со всеми ее плюсами и минусами.

Что касается причин формирования польской диаспоры в Западной Сибири, то в рецензируемой монографии в основном повторяются и подтверждаются сформулированные польскими историками, советскими и современными отечественными исследователями выводы о том, что численность западносибирской колонии зависела от количества ссыльных и прибывших добровольно. Вместе с тем, как установил Л.К. Островский: «Из Сибири возвращались ссыльные, отбывшие свой срок, отработавшие обучение за казенный

² *Оплаканская Р.В., Савин А.В., Туманик Е.Н., Шостокович Б.С.* Поляки // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 646.

³ *Жарова А.С.* Возникновение и развитие польской общины в Курганском уезде Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. канд. дис. Челябинск, 2015. С. 19.

счет в учебных заведениях, крестьяне и другие добровольные переселенцы, которые не смогли приспособиться к условиям жизни в Сибири. К сожалению, масштабы возвратного движения проследить крайне сложно» (с. 50). В результате Сибирь рассматривается как уникальное пространство для межэтнического диалога. Как заметила С. А. Мулина: «Под воздействием миграций в регионе формируется особый менталитет человека фронта, лояльно относящегося к чужеродной культуре. Однако сибирский „плавильный котел“ не только смешивал и нивелировал межэтнические отношения, но и создавал оригинальные, не встречающиеся в других регионах формы этнокультурного самосознания, усиливал и даже консервировал ранее слабо оформленные этнические общности»⁴.

Как мне представляется, Леонид Казимирович в своей работе отметил отсутствие у польской диаспоры рассматриваемого времени установки на инкорпорацию в сибирский социум. Уже тогда, когда польской общине не угрожала скорая ассимиляция, происходит смена механизмов адаптации. Диаспора перестает отвергать принимающее ее общество, снижает уровень национализма и устанавливает прочные связи с русским населением региона.

Среди мигрантов рассматриваемого периода преобладали рабочие и крестьяне, центрами концентрации которых являлись губернские (областные) города и поселения вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Увеличению числа польских рабочих способствовала политика властей, национализировавших Варшавско-Венскую ж.д. и увольнявших польских железнодорожников, вынужденных переселяться в Сибирь. Поляки внесли существенный вклад в развитие на новом месте маслоделия, часть из них компактно проживала в ряде сельских населенных пунктов, общее количество которых в Западной Сибири, по подсчетам автора, составило 130 (с. 129). Сыграли они важную роль и в развитии предпринимательства. Активно участвовали поляки в общественно-политической и культурной жизни региона, концентрируясь прежде всего при католических приходах и благотворительных объединениях, сыгравших консолидирующую роль в сохранении языка и этнических традиций. Первая мировая война 1914–1918 гг. и социальный катаклизм 1917–1920 гг. способствовали усилению этнической консолидации диаспоры и ее политической мобилизации.

Указанные выше этапы отличаются конспективным характером изложения, хотя основные процессы в развитии диаспоры охарактеризованы достаточно полно. Л.К. Островский упомянул о создании в Новониколаевске в первой половине 1919 г. 5-й дивизии польских стрелков под коман-

дованием полковника Русской императорской армии К. Румши. Она вошла в состав войск интервентов под командованием французского генерала М. Жанена. Этот сюжет сводится к констатации факта участия личного состава соединения в борьбе с партизанами и репрессиях против них. Учитывая, что Леонид Казимирович одним из первых реконструировал краткую историю дивизии, следовало бы упомянуть, что поляки оставили недобрую память у сибиряков. В Новониколаевске контрразведка дивизии была «самая свирепая», по определению современника, из всех действовавших в городе, в сентябре–ноябре 1919 г. ею проведены массовые аресты и расстрелы участников антиколчаковского подполья. Касаясь взаимоотношений с населением, управляющий Томской губернии 10 ноября того же года сообщал: «В Новониколаевске, где расквартировано значительное количество польских войск наблюдается сильное озлобление к полякам, вызванное их нетактичными выходками, самочинными обысками, кражами и нередко столкновениями с агентами русского правительства»⁵.

После окончания Гражданской войны в Западной Сибири были ликвидированы многочисленные польские общественные формирования, ведущую роль в повседневной жизни национальных общин стали играть немногочисленные сторонники РКП(б). После подписания 24 февраля 1921 г. соглашения о репатриации Сибирское представительство польской репатриационной комиссии в Новониколаевске зарегистрировало 58 329 чел., из которых право на репатриацию получило 25 386 поляков, что существенно уменьшило их численность в регионе. Тем не менее я не согласен с категорическим утверждением автора о кратковременности (до начала 1920-х гг.) польской диаспоры. Нельзя забывать о существовании в Сибири до начала 1930-х гг. национальных сельсоветов, клубов, землячеств, издании газет (в том числе польских), о сохранении традиционных контактов между жителями польских сельских поселений.

В целом монография Л.К. Островского «Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века», несмотря на высказанные мной замечания, вносит существенный вклад в изучение истории межнациональных отношений в Сибири, опыта возникновения и функционирования диаспор так называемых экстерриториальных народов и заслуживает положительной оценки.

М.В. Шиловский,

д-р ист. наук, профессор

Гуманитарного института

*Новосибирского государственного университета,
заведующий сектором Института истории СО РАН*

⁴ Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2012. С. 25.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 5. Оп. 2. Д. 1525. Л. 73.